

От образования до просвещения: правда жизни преподавателей геофака

Преподаватели... Нередко нам кажется, что они попросту мучают нас, несчастных студентов... Но, заворожено разглядывая диплом по окончании обучения, с благодарной мы улыбкой вспоминаем тех, кто вложил в нас и знания, и опыт, и умение думать, удивляться. Кто же такие — преподаватели МГУ? Какими они были в свои студенческие годы? В чем заключается специфика преподавания именно на географическом факультете? Об этом мы с ними и поговорим...

Галина Ивановна Гладкевич, доцент кафедры экономической и социальной географии России

Что мне нравится в работе преподавателя высшей школы? Разнонаправленность деятельности. К примеру, я читаю совершенно разные курсы, в которых охватываю и Россию, и зарубежье. Необходимо постоянно быть в тонусе — не только много знать, но и владеть самыми «свежими» данными.

Выросла я в маленьком поселке Смоленской области. И будто была запрограммирована на получение высшего образования в столице. То есть, если мои одноклассники еще сомневались и решали, куда им ехать учиться — в Ленинград или в Москву, а некоторые подумывали и вовсе сразу выйти замуж после школы, то я была просто «зомбирована» МГУ. В школе мой преподаватель по физике считал, что я должна стать физиком, математик — математиком, а вообще все учителя в школе думали, что мое призвание — быть учителем. Сама я собиралась стать журналистом: писала уже в то время стихи, печаталась в местной газете.

Но поехала поступать в Ленинград, так как моя мама, будучи оттуда родом, хотела, чтобы я устроилась там и она под старость переехала ко мне. Я замечательно сдала экзамены (их было пять) в Институт точной механики и оптики: получила четыре «отлично», на «хорошо» была сдана физика (мой любимый школьный предмет). Помню, что сдавала физику с температурой 38, заболела тогда некстати. В Институт меня брали, но на общежитие баллов не хватало! Это было хрущевское время, когда учиться в вузы принимали в основном «стажников» («производственников»). И таким образом, у меня не хватало одного балла, чтобы жить в общежитии, а позволить себе попросить у родителей денег снимать квартиру я не могла. Это было не принято в нашей семье, хотя и довольно обеспеченной — две мои старшие сестры (намного старше меня) на тот момент уже получили высшее образование и работали, так что бюджет у семьи был неплохой. (А вообще моя семья была очень дружная, главная цель родителей — дать нам, детям, образование, обеспечить достойную профессию.)

Вторым этапом моего покорения вузов стал мехмат МГУ. Сдала экзамены: устная математика — 4, письменная математика — 3, физика — 5, сочинение — 5. На этот раз мне не хватило двух баллов для поступления. И я попросту убежала работать в Тамбовскую область. Позвонила в Комитет комсомола, сказала, что хочу преподавать и рванула в Мичуринск, то есть в первый город, который попался на карте на глаза. В то

время учителей совсем не хватало и с такими оценками за вступительные экзамены абитуриентов принимали на работу в качестве учителей математики. Как только приехали в Мичуринск, оказалось, что Комитет комсомола нас обманул, и в качестве преподавателей мы никому не нужны. Нам предложили выучиться на пионервожатых, что нам не подходило, так как приехали мы не за учебой, а за стажем. Так и вышло: работы нет, а в кармане 2 рубля. Пришлось дать маме телеграмму с просьбой выслать деньги. А я ведь была абсолютно «правильной» дочерью! Мама на тот момент думала, что я нахожусь в Москве!

Затем стала готовиться к поступлению на мехмат: поступила на заочные подготовительные курсы, выполняла все контрольные работы на пятерки. Работала в то же время в детском саду воспитательницей. Нагрузка на здоровье была колоссальная — очень сильно его тогда подорвала! Случился даже как-то глубокий обморок. Врачи попросту запрещали мне учиться!

Перед самым поступлением нервы были на пределе. За час до подачи документов в приемную комиссию мехмата, я решила подать документы на геофак: увидела в МГУшном справочнике, что на кафедре экономической географии СССР географического факультета изучают счетно-решающие приборы и устройства. Подумала, почему бы не заниматься прикладной математикой? Поступила. Получила все «отлично» (таких отличников было всего трое из 1200 абитуриентов). Случилось это в 1965 году. Пошла проходить медкомиссию. Очередным препятствием к учебе стал мой хронический отит — недопустимое заболевание для учебы на географическом факультете. Мне повезло, врач оказалась замечательным человеком. Узнав, что экзамены я сдала на все пятерки, со словами «Учись, девочка!» подписала мне справку.

Проучившись год на своей кафедре, я поняла, что никакой математики здесь нет и в помине. А счетно-решающие устройства — это рифмометры, которые постоянно врут. Я пошла к Алексею Петровичу Хромову — грозному заведующему кафедрой метеорологии, которая славилась своей страшной математикой. Объяснила ему, что ошиблась с выбором кафедры и очень прошу меня перевести к ним. Несмотря на то, что мне надо было досдать уйму экзаменов, он подписал мое заявление о переводе. Но заведующий кафедрой экономической географии СССР, то есть моей кафедры, и слышать не хотел ни о каком переводе. За что я всю жизнь ему и благодарна. Я рада, что осталась на нашей кафедре. Пыл к математике у меня быстро угас и постепенно мне стало очень интересно учиться. Первый курс закончила на «отлично», на втором познакомилась со своим любимым будущим мужем и на два года несколько подзабросила учебу, пока не пришло время на 3 курсе заниматься курсовыми. Научная работа меня всегда очень увлекала. Поэтому я уделяла ей много времени, хоть и не отличалась никогда особой усидчивостью.

Быть преподавателем МГУ, конечно, достойно и привлекательно, это не иначе как счастье. Но это и очень обязывает. Мы тесно общаемся с вами, студентами, каждый день. Вы задаете нам множество вопросов — здорово, что вы столько спрашиваете! Именно поэтому нам и нужно держать в своей голове много знаний. Отвечать на вопросы приходится с самого первого курса. Даже я бы сказала, особенно на первом курсе, так как я — единственный преподаватель, который читает первокурсникам экономическую географию. То есть я несу ответственность за то, в каком свете воспримут современную экономику юные, только что поступившие в МГУ, студенты. Ни что меня так не стимулирует, как первый курс: придя к ним на лекцию, я должна быть готова к любому вопросу. Старшие курсы уже имеют свое мнение касательно многих вопросов, в соответствии с которым анализируют и точку зрения преподавателя.

По существу работаю не ради денег. Это счастье делиться собственными знаниями. Видеть, как у тебя на глазах человек сидит себе понуро и вдруг поднимает голову — настал момент, он тебя слушает! Потом ты видишь его счастливые глаза и понимаешь, что ему становится интересно то, о чем ты говоришь. Еще более счастливый момент наступает, когда студент начинает работать! Понимаю, что я — всего лишь эпизод среди

множества тех интересных людей, которых он еще встретит... И это прекрасно, что мне на смену придут еще более интересные люди.

Есть люди обучаемые и необучаемые. Как правило, первые обучаются сами. Когда ты видишь курсовую работу студента, исправленную в тысячах мест, ты просто счастлив. Если работа слабая, я начинаю «пилить» студента говоря, к примеру: «Володя, вам же семью содержать!» Счастье, когда такие ленивые студенты, спустя годы меняются и, уже занимая большие должности, говорят: «Мне так стыдно за мою учебу!» Если мы работаем вместе со студентом, то я не могу молчать! Говорю очень строго и резко.

Не с каждым студентом находишь взаимопонимание. Но ведь и студент выбирает конкретно тебя, на каком-то интуитивном уровне, не просто так. Даже если ко мне приходит слабый студент, я никогда не отказываю. Может быть, это связано с философией жизни, которую можно охарактеризовать следующей установкой: «Всегда есть, что подать в протянутую руку».

Мы раньше очень часто спорили с Владимиром Ефимовичем Шуваловым (*зав. кафедрой экономической и социальной географии России, — Прим. ред.*) по поводу обучения студентов. Он утверждает, что, читая лекции, нужно выбрать какой-то минимальный объем знаний, сделать его доступным и заставить выучить. Я же считаю, что никогда не выберешь нужную сумму знаний! Главное — затронуть определенную струну в сердце человека так, чтобы его глаза блестели от сознания того факта, что у него появился интерес к предмету.

Перед каждой лекцией на подготовку трачу как минимум три часа: выбираю информацию среди тысячи папок на компьютере, поскольку получается, нет темы, к которой я бы не имела отношения, благодаря моим разноплановым лекциям. И вот уже 3 часа ночи, пора ложиться спать, а я все еще что-то добавляю в свои презентации... Иногда это просто превращается в то, что лекция «проваливается». Нужно уметь себя ограничивать: лучше дать лучше, но меньше. Но, к сожалению, я всем известный максималист.

Идеально относится к студентам Александр Иванович Алексеев (*зам. зав. кафедрой экономической и социальной географии России, — Прим. ред.*). От таких преподавателей, как он, студенты должны улетать просто на крыльях! Как он читал лекции в мое время... После его занятий я всегда шла в библиотеку. Он всегда говорил, что преподаватель университета не может дать всех знаний. Он может указать лишь путь, направление, в котором вы должны работать, в чем с ним полностью согласна. Мы — ваши поводыри в науке. Поверьте, у вас никогда уже не будет столько свободного времени, хотя сейчас вам кажется, что вы безумно заняты. Спустя время, вы оглянетесь назад и поймете, сколько у вас было упущенных возможностей! Поэтому я изо всех сил стараюсь показать молодежи, что именно сейчас, до 30 лет вы делаете свое будущее.

Валентин Сергеевич Лямин, заслуженный профессор МГУ

МГУ — это сочетание передового фронта науки и преподавания. Профессура Московского университета не пересказывает чужих учебников. Мы, преподаватели, должны познакомить студентов, аспирантов с новыми идеями, оценивать их, то есть всегда быть на переднем фронте науки. Это первое. Второе — надо любить преподавание. Любить науку, которой занимаешься. Любовь к преподаванию пришла ко мне еще в школе. Учился хорошо, но отличником не был. Почему вспомнил школу? Классе в третьем у меня был друг-двоечник Коля Газизов, с которым мы жили в одном дворе. В то время

было обыкновение прикреплять к хорошим ученикам отстающих. Вот я его и учил, что требовало от меня самого хороших знаний по всем предметам, да еще и умения их донести до своего товарища.

Я вырос на Воробьевых горах. Видел, как строился Университет, вследствие чего уже с 6 класса хотел именно сюда и поступать. В школе увлекся астрономией и поступил на мехмат, а через 1,5 года я перешел на геологический факультет и уже затем — на географический, который я и окончил

После работал 1,5 года в географическом учреждении, но меня интересовала географическая теория. В 1962 году был объявлен первый набор выпускников естественных факультетов на кафедру философии естественных факультетов. Таким образом оказался среди студентов первого набора. Нам читали лекции очень хорошие преподаватели — Фурман, Кошелевский, Воробьев.

Алексей Евгеньевич Фурман говорил, что у людей зачастую рождается представление, что философ — это болтун, который может часами говорить о чем угодно. Да, это действительно так. Но не такой должна быть философия, и не таким должен быть преподаватель высшего учебного заведения, тем более в МГУ. Сам предмет, которым мы занимались на кафедре — философские вопросы естествознания (химии, биологии, географии), требовал знания конкретного материала. Просто так здесь не поболтаешь. Алексей Евгеньевич не уставал повторять: «Философия всегда учит конкретности». Что значит конкретно? За каждым понятием должно стоять строгое содержание. И эти понятия должны быть логически связаны так, как связаны друг с другом предметы, которые они обозначают в действительности.

Я очень люблю аудиторию. Причем аудитория может быть любой: студенты или преподаватели. Конечно, разной публике читаешь по-разному. Во время беседы с аудиторией к тебе приходит вдохновение. Но всегда должна присутствовать и определенная строгость в общении с аудиторией, чтобы успеть разъяснить материал так, чтобы помнили и чтоб успели записать. Это трудно.

Я встречался с такими учебными заведениями, где преподаватели именно читают лекции, то есть тексты лекций. Но это не университетское образование. Сколько прошло лет, сколько я уже знаю материал, который надо дать студентам, все равно готовлюсь перед каждой лекцией — просматриваю свои записи, дабы определить на что мне обратить внимание. Моя особенность в том, что я не пишу тексты лекций в аудитории, а рисую на доске, так как это, с одной стороны, быстро, а с другой — одновременно видны все взаимосвязи.

Студентам дам такой совет: помните, что вы поступили в УНИВЕРСИТЕТ. Это говорит о том, что вы — умные люди. Значит, чтобы стать хорошим географом, надо воспитывать в себе дисциплину, приучать себя к работе.

Алексей Константинович Рыбников, доцент кафедры математического анализа механико-математического факультета.

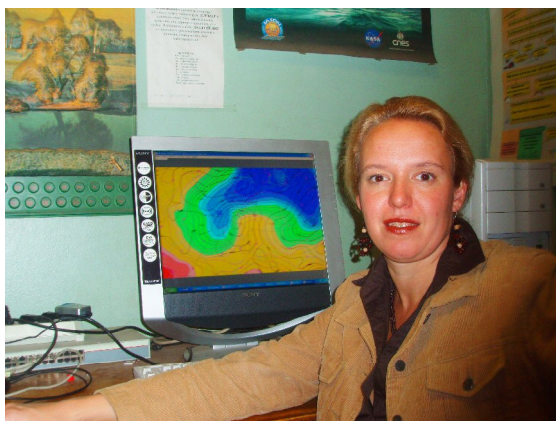
Есть два вида работы, которые преподаватели кафедры математического анализа ведут одновременно: научная работа и преподавание. Они естественным образом дополняют друг друга.

Когда я был студентом, я, естественно, не знал, какой конкретной работой я буду заниматься в дальнейшем. Знал только, что моя будущая работа будет связана с математической наукой или ее приложениями. На 5-м курсе я получил свой первый научный результат. Моя работа была опубликована в «Вестнике Московского университета». Мой научный руководитель Лаптев Герман Федорович рекомендовал меня в аспирантуру.

Когда я был аспирантом третьего года обучения, мех-мат получил разрешение министерства перевести значительную группу аспирантов в преподаватели. Мне посчастливилось попасть в эту группу. Так я стал преподавателем кафедры математического анализа.

Кое-кто из студентов-географов думает, что математика им в жизни не понадобится. Однако они заблуждаются. В настоящее время математические модели являются одним из основных методов исследования почти во всех науках, а в первую очередь — в естественных науках. Есть, конечно, и такие специальности, где математика для профессиональной деятельности непосредственно не нужна. К примеру, балерине математика в жизни нужна разве что для культурного развития. Но вот Брюсов, основатель первого литературного института, считал необходимым для общего развития своих студентов ввести курс математики. Можно сказать, что математика — самый безопасный способ овладеть логикой. Потому, что если впервые ты столкнешься с логическим мышлением в ходе судебного разбирательства, то это может иметь для тебя просто катастрофические последствия. А здесь максимум, что тебе грозит — это «неуд» и пересдача.

Есть студенты, которые попросту не хотят, сколько преподаватели их не убеждают, вникнуть по существу в математику, а пытаются ее просто вызубрить, что невозможно. Я считаю, что неспособных к математике людей нет. Просто есть люди, которые не хотят ее учить и сопротивляются, когда их заставляют. Одна моя ученица, которая впоследствии поступила на гидрометпоток, стабильно продвигалась в изучении математики, но всегда с некоторой задержкой. Она упорно занималась. В конце концов, получила свою законную тройку на экзамене. Возможно, если бы ей удалось выделить больше времени на подготовку, она получила бы лучшую оценку. Но, придя на свою кафедру, оказалась там самой лучшей, она научилась работать. Помню ее слова: «Как хорошо, что вы меня не пожалели на экзамене, что вы заставили меня через все пройти». Работайте добросовестно и систематически и непременно добьетесь успеха!

**Дарья Юрьевна Гущина, в. н. с., доцент
кафедры климатологии и метеорологии**

Я все пять лет своей учебы в Университете говорила, что буду профессором МГУ. Конечно, мои интересы многократно менялись. Но на метеорологию я собиралась еще с 8 класса школы. Мне были интересны атмосферные процессы — ощущение, что ты знаешь что-то такое, что недоступно другим. Все придает погоде какой-то божественный смысл и глядя на небо гадают «будет/не будет». А ты, смотря на то же самое небо, понимаешь, что произойдет дальше, так как знаешь первопричину. Это приносит огромное удовлетворение!

В 1993 году я начала вести практику у 1 курса в Сатино. Потом преподавала английский и французский у метеорологов. С 2003 года читаю курс «Метеорология с основами климатологии» для геологов. С 2005-го — синоптическую метеорологию, базовую дисциплину для 4 курса нашей специализации.

Я училась в школе им. Поленова, которая поддерживала связи с домом-музеем Поленова. Когда все остальные школьники ездили в летний трудовой лагерь собирать морковь-картошку, мы водили экскурсии в доме-музее. Поэтому к моменту начала преподавания в Университете у меня имелся некоторый опыт общения с публикой. Конечно, с годами мой подход к преподаванию сильно изменилось. Изначально я скрупулезно готовилась, читала материалы перед каждой лекцией и излагала их в

соответствии с написанным. С опытом преподавание стало более свободным. Ведь если студентам давать весь учебный материал от корки до корки и что-то монотонно бубнить, то они теряют нить рассуждения и перестают тебя понимать. Со временем появилось острое желание совершенствоваться и добавлять в лекции что-то свое — практические знания, новые материалы. Стала искать максимальное количество возможностей доступно, с помощью каких-то наглядных примеров из бытовой жизни объяснить сложные вещи. Например, спрашиваю геологов: «От чего зависит скорость испарения?». Они из года в год всегда отвечают: «От температуры». После чего говорю: «Если вы повесите сушиться джинсы, где они высохнут быстрее – в “Буревестнике” или в Крыму?». Все тут же говорят, что они быстрее высохнут в Крыму. На вопрос: «Почему?», — они понимают, что из-за разной влажности воздуха. Конечно, в синоптике все гораздо более сложно и сами объяснения другого уровня, но все равно всегда можно найти какие-то интерпретации для того, чтобы люди понимали сущность процесса, а не просто зазубривали формулы и формулировки.

Также особенность МГУшного преподавателя в широкой специализации. МГУшное образование охватывает очень широкий спектр дисциплин. Даже читая какой-то конкретный курс, ты обращаешься и к другим курсам, для чего должен владеть достаточно большим объемом знаний по смежным специальностям. Ведь с чего мы начинаем обучение на нашем факультете? На первом курсе изучаем практически все географические дисциплины. В той же Франции этого нет, и те же самые метеорологи изучают у них только одну метеорологию и географии совсем не касаются.

В студенческие годы я была круглой отличницей и окончила университет со средним балом диплома 5,0. Конечно, не на все лекции я ходила. Но к экзаменам очень серьезно и скрупулезно готовилась, так как я — страшная паникерша и всегда боюсь, что ничего не знаю, что все кончится плохо. Правда, мне повезло — обладаю в какой-то степени фотографической памятью. Формулы же я выводила сама, так как для меня было самым главным — понять суть. Может быть, как раз поэтому для меня оставалась вечной проблемой функция комплексного переменного: я не понимаю, как так выходит, что x^2 равняется «-1»! Из чего можно сделать вывод, что абстрактное мышление у меня отсутствует!

В наше время студенты более ответственно относились к курсовым работам. Вплоть до защиты мы непрерывно над ними работали. Сейчас часто бывает, что приходят студенты к преподавателю и хотят за три недели ее полностью сделать. Все же в последние годы возрождается интерес к учебе, так как был вообще провальный период — начало 90-х гг: не было стимула учиться, так как в любом случае все шли работать в бизнес, в банки и смысла получать как таковое географическое образование не было. Сейчас у нас действительно все больший процент выпускников работают по специальности.

Помню, как сдавала экзамен Петросянцу (*М.А. Петросянец — зав. кафедрой метеорологии и климатологии 1981-2004 гг. — Прим. ред.*). Поскольку была отличницей, все наши армейцы отправили меня к нему первой сдавать экзамен с наказом «стоять на смерть» и как можно дольше ему отвечать. Он мне задал какой-то вопрос, над которым попыталась подумать. Он говорит:

— Неужели вы не знаете на него ответа?

— Да нет, знаю, — отвечаю.

— Ну все, идите тогда.

— Нет-нет, подождите, есть еще второй вопрос!

— Ну скажите по нему что-нибудь, — и хотел уже отправить в коридор, но я его все удерживала:

— Посмотрите, я вот здесь картинку нарисовала!

Таким образом, боролась я с ним минут 10, после чего он меня-таки выгнал и вклеил по двойке всем нашим армейцам. Поэтому «зануда-отличница» — это не про меня. Говорят

же в народе, что «три года ты работаешь на зачетку, а потом уже она работает на тебя». Конечно, у меня была не совсем такая ситуация — я ко всем экзаменам готовилась, находила все лекции. Но мне всегда мешала одна моя особенность. Я не просто «сова», я — гиперсова. Поэтому зачастую либо отсутствовала на первых парах, либо же билась головой об парту! Из моей группы красные дипломы получили семь человек, а круглыми отличниками до 5 курса были четыре человека. На 5 курсе осталась одна я...

Студентам хочу пожелать, чтоб им всегда было интересно учиться. Даже если учиться тяжело, надо бороться. Многие предметы надо просто пересилить, перетерпеть. Все равно в жизни ты потом выберешь то, что тебе лучше всего дается. Каждый должен заниматься своим делом.

Алексей Григорьевич Косицкий, старший преподаватель кафедры гидрологии суши

Быть преподавателем интересно — приятно каждый год видеть новые лица, да и работа со студентами приносит много удовольствия. Преподаватели МГУ — не статисты. Они ЖИВУТ жизнью студентов, пропускают ее сквозь себя.

Каждый преподаватель рассказывает свой предмет под каким-то определенным углом, что очень ценно. Некоторые учебники написаны уже очень давно, и отраженная в них информация уже устарела. А некоторые новые учебники иногда не дают материала в том объеме, в котором его потребуют от студента на экзамене. Лекции не исключают учебник, а дополняют его. Правда, в последние несколько лет Московский Университет издал новые учебники по многим предметам. Что обязательно пойдет на пользу студентам.

У меня нет красного диплома, но учился я без троек. Ровно половина всех сессий у меня закрыта на «отлично». Я старался ходить на все лекции. Бывали, конечно, пропуски, но редко. Любимым предметом на 1 курсе, естественно, была гидрология. С математикой, проблемами с которой якобы славится наш поток, у меня никогда никаких сложностей не возникало. А с гуманитарными предметами пришлось повозиться.

По завершении аспирантуры мне предложили остаться на кафедре, так что преподаю я шестой год подряд. Стараюсь, чтобы на своих лекциях поддерживать диалог со студентами. Как принимаю экзамены? Пусть это останется секретом. Главный подход и, в то же время, совет студентам — хорошее знание предмета.

О нынешнем первом курсе пока что у меня создалось самое лучшее мнение: ходят, в большинстве своем, на все занятия, внимательно слушают и, судя по тому, какие они задают вопросы, понимают то, что я стараюсь до них донести. В общем, пока никаких проблем с новопривывшими у меня не было!

Александр Викторович Чернышев, доцент кафедры картографии и геоинформатики

После окончания университета я был зачислен на кафедру, работал в лаборатории автоматизации. Сначала являлся ассистентом преподавателя, вел практические занятия, в основном по курсам «Топография», «Общие вопросы создания карт», «Аэрокосмические методы в географических исследованиях». Для каждого курса существовала своя методика преподавания, которой нужно было быстро овладеть. Затем мне поручили читать поточные лекции на геологическом факультете,

после — на географическом.

Таким образом, на сегодняшний день я уже преподаю порядка 20 лет. Преподавательский опыт нарабатывается долго. Хорошим преподавателем стать за год-два практически невозможно. Нужно как минимум пять лет.

Преподаватель сродни артисту на сцене. Один артист сразу находит взаимопонимание с публикой, другой — не так быстро. Процесс преподавания во многом обусловлен индивидуальными качествами и опытом преподавателя, вследствие чего нельзя предложить каких-то жестких, определенных схем. Существуют, конечно, общеобязательные правила. К примеру, курс должен читаться строго в соответствии с утвержденной программой. Когда ты читаешь учебник, не на все обращаешь внимание, многое пропускаешь мимо, лектор же акцентирует на наиболее важных вещах.

Естественно, нельзя требовать от студента, чтоб он сразу по прочтении лекции овладел материалом. Для закрепления новых знаний и нужны практические занятия и учебник. Будучи студентом, старался ходить на все лекции. Для меня было очень важно, к примеру, ходить на лекции профессора Г.К.Тушинского. Он читал даже лекции по технике безопасности, предмету, который, казалось бы, невозможно облечь в форму лекции! Причем это был факультатив, но очень полезный для студентов-полевиков.

Отношения преподавателей со студентами складываются по-разному. Помню, мой учитель, Сергей Николаевич Сербенюк, преподавал у нас практику в Сатино. Как-то раз я вышел на занятия простуженным, а мы в то время жили в палатках, погода была плохая. Сергей Николаевич добился того, чтоб мне выдали утепленный спальник. Он проявил простую человеческую заботу, хотя совершенно не обязан был этого делать. Такие случаи, когда преподаватели выручали нас, студентов, случались не раз.

Те, кто пришел учиться в МГУ, получили уникальный шанс. Шанс приобщиться к очень глубокому источнику знаний, к чему нужно соответственно относиться. Я уж не говорю о том, что нужно стремиться выполнять все задания, сдавать хорошо экзамены — это само собой разумеется. На практических занятиях, лекциях, в факультетской библиотеке вы приобщаетесь к так называемому «просвещению», что отличается от понятия «образования». Ты можешь быть хорошим специалистом в своей области, но не быть просвещенным человеком. В МГУ ты имеешь возможность не только получить образование, но и «просветиться», то есть обогатить самого себя разного рода знаниями. Поэтому впитывайте в себя как губка все, что вам дают.

Раньше, в советские времена, в определенных вузах на некоторые специальности не брали девушек. Считалось, что из них в будущем получатся не очень хорошие специалисты в силу того, что они выйдут замуж и, в первую очередь будет думать о семье, а не о работе. Лично для меня очевидно, что если та же самая девушка будет просвещенной, то, занимаясь такими важными женскими делами, как воспитание детей и создание семьи, она будет это делать уже совершенно на ином уровне. Она будет не просто мамой, а просвещенной мамой. В студенческие годы ни в коем случае не нужно делить предметы на «нужные» и «ненужные». Нет «ненужных предметов»!

Татьяна Алексеевна Пузанова, старший научный сотрудник кафедры геохимии ландшафтов и географии почв

Я родилась в Эстонии, в школе училась сначала в заполярном Мурманске, а потом мы переехали в небольшой приграничный поселок Верхнетуломский, построенный финскими строителями и известный своей первой подземной ГЭС. Могла ли я тогда думать, находясь на краю земли, что когда-нибудь буду работать в МГУ? Нет, конечно.

Но мои школьные учителя возлагали на меня много надежд, которые надо было как-то оправдывать. А куда можно было поступать в те годы, чтобы удивить учителей, родителей и себя? Конечно же, в МГУ, который и сейчас в провинции остается главным «брендовым» вузом страны. В момент окончания школы, я даже не знала какой факультет выбрать и долго листала справочник МГУ в сомнениях: выбирала между филологическим, географическим и геологическим, задумывалась о химическом и биологическом факультетах.

В общем, полная неопределенность и ветер в голове. Главное, что меня тогда отличало (да и сейчас этим грешу) — это отсутствие страха. Почему-то была глупая уверенность, что обязательно поступлю на выбранный факультет. На окончательный выбор географического факультета повлиял тот факт, что я заняла третье место в области на олимпиаде по географии. И ночью, не дожидаясь окончания школьного банкета для выпускников, я улетела в Москву. Только лишь во время вступительных экзаменов, когда увидела толпы страждущих и переживающих, уверенность моя поубавилась... Но удача не покинула меня и я поступила.

Выбор кафедры был таким же сумбурным. Почвенно-геохимическую практику проводил у меня Николай Сергеевич Касимов (*сегодня декан географического факультета, академик РАН, — прим. ред.*). Тогда он был с пышными русыми волосами и аккуратной бородкой: точь-в-точь купец первой гильдии. Мы бродили за ним с раскрытыми ртами, а он бесконечно шутил, добавляя по полбалла к зачету по практике за укус комара или за запачканные в разрезе брюки. Большинству студентов были понятны такие шутки, но были такие, кто тщательно на последней странице дневника плюсовал отмеченные баллы. Так, в день зачета при оглашении отметок, мой одноклассник Шамиль, узнавший про четверку, стал тихо клянчить: «А вот Вы, Николай Сергеевич, помните, меня оса укусила, а помните, я промочил ноги во время дождя». «Это я уже учел», — невозмутимо ответил Николай Сергеевич под хохот аудитории. Но все равно, несмотря на обаяние Николая Сергеевича, я не переставала сомневаться. Пришлось написать два одинаковых заявления сразу на две кафедры: экономической географии СССР и геохимии ландшафтов и географии почв (это было нарушение правил, поскольку в те годы необходимо было выбрать одну кафедру). Я решила, что это своеобразная рулетка: на какой кафедре первой рассмотрят заявление, на той и буду учиться. Оперативнее оказалась наша кафедра.

Большая часть моих «университетских» эмоций, наверное, связана не только и не столько с учебой, сколько с насыщенной жизнью в общежитии МГУ. В общежитии у меня было ровно три различных, и в страшном сне невозможных даже к легкому «перемешиванию», компаний. Одна компания состояла из интеллектуалов. В этой комнате на спор выучивались сложнейшие языки за три месяца (например, венгерский), устраивались шахматные турниры, до ночи продолжались обсуждения творчества Германа Гессе или Алексея Германа, Юхана Боргена или Питера Брейгеля. Представитель этой компании, в качестве мужа, живет в непосредственной близости. Вторая компания состояла из барышень из хороших семей, где всегда было весело и обсуждались темы совсем другого плана - последний вариант кофточек и рюшечек, анекдотов. Третья компания сама называла себя незамысловато — «колхозники». И это совсем не значит, что все они были из деревень (многие, наоборот, из столичных городов), но их отличительной особенностью была простота в общении, бесконечные прибаутки за вечерним чаем в алюминиевых кружках. В каждой компании были свои правила поведения. Так, в компании интеллектуалов меня подвергали критике за украшения (неужели эти побрякушки могут действительно кого-то украсить?). И я, вобрав идейные лозунги этой группы, в течение лет 15 вообще не носила никаких украшений (сейчас, правда, с лихвой компенсировала это упущение). В компании благородных девиц было не прилично инициировать разговоры про шахматы (глупости это!), а уж тем паче - пить чай из алюминиевой кружки. А «колхозники» любое даже слабомажорное поведение могли

расценить как оскорбление. Каждому обществу я бесконечно благодарна. В первом научили любить и чувствовать высокое искусство (бесконечно таскали за собой по выставкам, подсовывали книги, водили в кинотеатр «Повторного фильма»), во втором пытались привить любовь к светской жизни, а в третьем — отучали от «мажорства».

После окончания Университета мы с мужем (выпускником кафедры экономической географии СССР) улетели на Дальний Восток в Хабаровск, чтобы посмотреть на дали-дальние. Улетели, чтобы вернуться в аспирантуру через три года: Университет притягивает и очень быстро становится родным.

После защиты кандидатской диссертации в 1992 году, я опять сомневалась в открытии следующих дверей лабиринта жизни. Это было время перемен: одни знакомые уходили в бизнес и быстро становились на ноги, другие поспешно уезжали из страны. Мы тоже рассматривали вариант отъезда: соблазн был велик. Но, случилось так, как случилось: я осталась в университете, а муж пошел работать в российско-американскую компанию. Сомнения в правильности выбора остаются до сих пор. Один мой знакомый каждый раз при встрече сетует: «Все время вспоминаю, как ты разворачивала фуры со стройматериалами, когда строила дачу. Тебе с твоей энергией надо было бы в бизнес податься...»

Забавных историй, связанных с университетом множество. Время от времени у меня дома собираются близкие мне по тембру жизни выпускники разных лет. И неизменно мы начинаем вспоминать истории. Одна из них про мою дипломницу Иру Андрееву, которая на втором курсе решила выбрать тему «Почвоведение и археология». Придя на кафедру, она спросила:

— А кто руководит этой темой?

— Татьяна Алексеевна Пузанова, — ответили ей на кафедре.

— А где она сидит? — пыталась осознать ситуацию застенчивая Ира.

— Да там, в другой комнате, — ответили Ире и махнули в сторону коридора. Ира, решив, что взмах касался двери напротив, туда и устремилась. Напротив находилась кафедра физической географии мира и геоэкологии.

— Могу ли я поговорить с Татьяной Алексеевной? — спросила Ира, зайдя на дружественную кафедру. К ней вышла Татьяна Алексеевна Ковалева.

— Я хотела бы писать у Вас курсовую работу, — продолжила свою речь Ира.

— Очень хорошо. Только мне сейчас некогда. Давайте я Вам дам несколько книжек и статей, а Вы ко мне зайдете через неделю, и мы все обсудим, — ответила Татьяна Алексеевна. В течение недели Ира тщательно изучала научную литературу про ландшафты Австралии. В назначенное время через неделю состоялась долгожданная встреча.

— Нууу, почему Вы решили заниматься Австралией? — протянула Татьяна Алексеевна.

— Вообще-то я интересуюсь археологией. Но раз надо исследовать археологию в Австралии, то можно и там, — смущенно ответила Ира.

— Зачем нам археология? Можете, конечно, привлечь материал по наскальной живописи, но это и не обязательно, — парировала Татьяна Алексеевна.

— Совсем без археологии? А хоть погребенные почвы мы будем изучать? — пыталась Ира осознать будущий фронт научных изысканий.

— Нет, погребенные почвы не входят в объект наших исследований, — настаивала Татьяна Алексеевна. По воспоминаниям Иры, ей стало немного не по себе. Первой догадалась Т.А. Ковалева: «А Вы на какой кафедре учитесь, девушка?».

В результате Ира все-таки приобщилась к археологическому почвоведению. И каждый год, приезжая к археологам, я брала двух-трех студентов с собой на любопытнейшие раскопки курганов и поселений. Любая археологическая экспедиция многолюдна: много студентов-археологов, взрослых сахемов, да и все проезжающие мимо раскопок машины останавливаются, чтобы поглазеть на диво дивное.

Если тщательная очистка археологами ножиком и кисточками погребений, всем сторонним наблюдателям более-менее понятна (вот горшок, вот человек древний, вот кусочек наконечника), то мое пребывание в двухметровом почвенном разрезе всегда вызывало массу вопросов: «Чего она туда полезла? Золота же там нет...». А когда они присутствовали при описании почвы, то многие начинали переглядываться: «Петро, ты слышал как она нашу землю назвала? Желтовато-палевый ореховатый средний суглинок...». При этом все внимательно слушают, качают головами и явно недоумевают: как в этом кусочке земли можно разглядеть столько характеристик и сказать столько мудреных слов. Даже студенты-археологи после небольшого времени пребывания около разреза приходят в трепет и потом отовсюду слышатся ругательства: «Какой-то ты сегодня слегка уплотненный. Да и порозность у тебя подкачала», «У тебя что, произошло локальное оглеение?» или «Вообще, хорошо бы тебе поменять свой окислительно-восстановительный потенциал и рН». Но самую большую округлость глаз вызывают характеристики цвета. Когда я, глядя на черную грязюку (согласно определению наблюдающих) произношу: «Темно-серый гумусово-аккумулятивный горизонт со слабым сизоватым оттенком, что свидетельствует о частой смене окислительно-восстановительных условий...», — люди не верят своим глазам: «Посмотреть дайте. Пощупать». А потом долго и внимательно рассматривают кусочек почвенного субстрата, искоса поглядывая на меня (шарлатанка? издевается?).

Что ж, какими бы «страшными и ужасными» порой не казались преподаватели, они желают нам добра и хотят сделать из нас человека «с большой буквы». Построить вместе с нами корабль, который по окончании университета можно будет спокойно отпустить в свободное плавание!